

Н. НЕКРАСОВ

О ЗНАЧЕНИИ ФОРМ
РУССКОГО ГЛАГОЛА

ПЕТЕРБУРГ

О ЗНАЧЕНІИ
ФОРМЪ РУССКАГО ГЛАГОЛА.

СОЧИНЕНІЕ

Н. НЕКРАСОВА.

(Посвящается О. И. Буслаеву.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ И ЛИТОГРАФИИ І ПАУЛЬСОНА И К^о

—
1865.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5-го Февраля 1865 года.

Феодоръ Ивановичъ!

Книга, посвящаемая Вамъ, содержитъ много несогласнаго съ тѣмъ, что находится въ Вашемъ почтенномъ трудѣ «Исторической Грамматикѣ Русскаго языка». Сознавая вполне многія достоинства Вашей книги, я однако расхожусь съ нею относительно теоретической ея части; ибо здѣсь вы слѣдовали по большей части принятой уже теоріи, которая нашла для себя въ Вашемъ трудѣ только полнѣйшее и лучшее изложеніе. Впрочемъ, множество замѣчательнѣйшихъ примѣровъ и любопытнѣйшихъ примѣчаній въ Вашей книгѣ неопровержимо свидѣтельствуетъ о разладѣ, который испытывали Вы Сами, сравнивая данныя языка съ подробно, но невѣрно, развившеюся его теоріею. Поэтому, сознавая, можетъ быть, болѣе, чѣмъ кто-либо, несостоятельность этой послѣдней, Вы желали примирить ее, по возможности, съ богатствомъ собраннаго Вами матеріала. Но примиреніе оказалось невозможнымъ даже и подѣ перомъ Вашимъ. Оттого въ Исторической Грамматикѣ кнѣе обнаружилась несостоятельность существующей теоріи, чѣмъ въ другихъ грамматикахъ, въ которыхъ языкъ на-

сильственно, прямо подводился подъ извѣстную систему теоріи. Въ этомъ отношеніи Вашъ почтенный трудъ имѣлъ для меня особенное достоинство. Внимательное изученіе какъ сильной, такъ и слабой его стороны, въ связи съ народною словесностью, навело меня на поторныя, смѣю сказать, новыя мысли относительно духа русскаго языка и послужило поводомъ къ изданію въ свѣтъ моего сочиненія. Вотъ почему, не смотря на разногласіе моихъ мнѣній съ существующей въ Вашей книгѣ теоріею, я считаю за честь признать свое сочиненіе обязаннымъ вліянію Вашего труда и посвятить его съ глубокимъ уваженіемъ Вашему имени, надѣясь, что, не смотря на свои недостатки, оно заслужитъ Вашего лестнаго для меня вниманія.

Н. Некрасовъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стран
<i>Введеніе</i>	1
Гл. I. Значеніе глагола, какъ особаго разряда словъ въ русскомъ языкѣ, и значеніе его въ живомъ употребленіи, т. е. въ рѣчи. Грамматическіе залоги. Смыслъ русской частицы <i>ся</i> при глаголахъ. Дѣленіе русскихъ глаголовъ на два разряда	25
Гл. II. О формахъ русскаго глагола: существительной и личной . . .	85
Гл. III. Объ отсутствіи формъ въ Русскомъ языкѣ для обозначенія времени глагола	117
Гл. IV. О степеняхъ Русскаго глагола	140
Гл. V. О глаголахъ, сложныхъ съ предлогами	175
Гл. VI. О прилагательныхъ формахъ русскаго глагола	247
Гл. VII. Какимъ образомъ выражаются времена въ Русскомъ глаголѣ?	297

ВВЕДЕНИЕ.

Наша русская грамматика пользуется весьма незавидною славою. Вотъ что говорить о ней знатокъ русскаго народнаго языка, В. И. Даль, въ IV выпускѣ своего полезнаго труда (я разумѣю «Толковый словарь живаго великорусскаго языка» (вып. IV, стр. IV): «составитель словаря искони былъ въ какомъ то разладѣ (съ грамматикою), не умѣя примѣнить ее къ нашему языку и чуждаясь ее, не столько по разсудку, сколько по какому то темному чувству опасенія, чтобы она не сбила его съ толку, не ошколоярила, не стѣснила свободы пониманья, не обуздала бы взгляда. Недовѣрчивость эта основана была на томъ, что онъ всюду встрѣчалъ въ русской грамматикѣ латинскую и нѣмецкую, а русской не находилъ.» Дѣйствительно, наша грамматика избилуетъ схѣматикою и вовсе непримѣнима къ пониманію роднаго языка. Время наложило на нее тяжелымъ гнетомъ общіе сухіе приемы и взгляды, отъ которыхъ невольно станешь въ туликъ при изученіи живой рѣчи. Стоитъ сравнить новыя и старыя учебники, чтобы вполне убѣдиться въ справедливости сказанной мысли. Почти всюду тѣже приемы, тѣже способы изложенія. Вездѣ вѣдетъ однимъ и тѣмъ же тлетворнымъ духомъ правилъ и исключеній. Вездѣ языкъ разсматривается, какъ трупъ не смотря на предисловія, въ которыхъ авторы обѣщаютъ обращаться съ языкомъ, какъ съ живымъ организмомъ. Если встрѣчается различіе въ изложеніи и приемахъ, то оно заключается лишь во внѣшности ихъ. Въ одномъ учебникѣ напр. насчитывается болѣе, въ другомъ менѣе частей рѣчи. Въ одномъ грамматика дѣлится на четыре части: этимологію, синтаксисъ, орѳографію и просодію; въ другомъ на двѣ: этимологію и синтаксисъ. Въ одномъ прежде говорится о глаголѣ, въ другомъ грамматика начинается съ имени существительнаго. Въ иныхъ учебникахъ правила предшествуютъ примѣрамъ, въ другихъ — при-

мѣры правиламъ и т. п. Но теорія оставалась во всѣхъ одна и таже. Она вошла, такъ сказать, въ плоть и кровь нашихъ учебниковъ. Отъ ея вліянія не свободенъ самый послѣдній и самый замѣчательный трудъ, я разумѣю «Историческую Грамматику» профессора Ѳ. И. Буслаева. Историческая почва, внесенная въ изученіе русскаго языка, рѣзко отличаетъ ее отъ всѣхъ бывшихъ прежде грамматикъ съ однимъ теоретическимъ изложеніемъ. Одно это дѣло уже представляетъ весьма важную услугу, которую почтенный авторъ оказалъ русской грамматикѣ, какъ наукѣ. Но кромѣ того въ его книгѣ есть и другое не менѣе важное достоинство: авторъ постоянно обращаетъ вниманіе на различіе между языкомъ книжнымъ, и живымъ народнымъ. Такимъ образомъ онъ первый указалъ въ своей грамматикѣ на эти, такъ сказать, три струи, бѣгущія по руслу развитія нашего языка: историческую, книжную и живую народную. Фактическая сторона по этимъ тремъ направленіямъ развитія языка указана авторомъ въ возможно полномъ объемѣ. Все это дѣлаетъ его книгу необходимою для каждаго, занимающагося изученіемъ русскаго языка. Но при всѣхъ важныхъ и неоспоримыхъ достоинствахъ она имѣетъ и свою слабую сторону въ теоретическомъ отношеніи. Факты, взятые изъ исторіи языка, изъ его устнаго народнаго и книжнаго употребленія не связаны между собою органически. Авторъ почти во всемъ въ сущности остался вѣрнымъ тому же теоретическому взгляду на разработку ихъ, который существовалъ до его книги. Вліяніе теоріи, предписывающей правила языку, необходимо должно было ограничить ученую разработку собраннаго авторомъ богатаго матеріала дѣятельностію троякаго рода: одно онъ долженъ былъ отбрасывать, другое — замѣнять, третье — прибавлять, но все это дѣлать въ духѣ прежнихъ правилъ и исключеній. Поэтому хотя теоретическая часть труда профессора въ сущности отличается тѣмъ же направленіемъ, какое было и прежде, но она излагается съ такою точностію и ясностію, до какой можетъ достигнуть полное и добросовѣстное изученіе языка съ точки зрѣнія установившейся уже теоріи. Но именно это-то послѣднее достоинство — достоинство изложенія — и служить объясненіемъ того, что въ «Исторической Грамматикѣ» передъ лицомъ фактовъ языка отразилась, какъ въ зеркалѣ, несостоятельность принятой авторомъ теоріи. Какъ бы то ни было книга профессора Буслаева имѣетъ для науки два весьма важныхъ значенія: съ

одной стороны она представляет замѣчательный и обильный матеріалъ для изученія языка; съ другой — полную теорію нашихъ грамматикъ, изложенную съ большею ясностію и знаніемъ дѣла. Читая ее, мы увидѣли, что идти далѣе по тому же пути въ изложеніи теоріи нѣкуда; а между тѣмъ множество фактовъ въ языкѣ остаются безъ надлежащаго объясненія. Вотъ почему мы пользуемся исключительно этою книгою для возраженій противъ существующей теоріи русской грамматики, и, несмотря на несогласіе нашихъ выводовъ съ нею, считаемъ долгомъ быть признательными ей, какъ труду, нашедшему насъ своею фактической стороною на новыя мысли о русскомъ глаголѣ.

Вернемся теперь нѣсколько назадъ къ вопросу о теоріи принятой вообще въ нашихъ грамматикахъ и постараемся объяснить вкратцѣ причины ея несостоятельности. Было уже замѣчено, что главный, существенный недостатокъ состоитъ въ *непримѣнности* ея къ языку русскому. Но откуда же эта *непримѣнность*, когда вся забота авторовъ грамматикъ и состояла въ томъ, чтобы примѣнять ту или другую теорію къ нашему языку? Изъ того ложнаго метода, отъ котораго въ нашъ вѣкъ всѣ науки освобождаются мало по малу. Теперь не мысль повѣряется фактомъ, а изъ фактовъ дѣлаются непосредственные выводы. Ни къ чему въ настоящее время нельзя подходить съ самодовольнымъ чувствомъ знатока и съ готовою мыслию, выработанною заранѣе чрезъ знакомство съ разными отвлеченными теоріями. Необходимо прежде всего приступить къ разсматриванію и изученію фактовъ и явленій природы и жизни. Въ настоящее время какъ-то неприлично стало смотрѣть на нихъ свысока, ставить науку на высшую подставку въ сравненіи съ природою и жизнью и рядиться въ докторскую мантию ученаго Вагнера, надменнаго своею ученостію. Пришло время сознанія, что вся наша вѣковая ученость — ничто въ сравненіи съ безконечнымъ разнообразіемъ силъ и законовъ, проявляющихся въ явленіяхъ природы и жизни, что не они зависятъ отъ нашихъ знаній, а наши знанія зависятъ отъ ихъ благосклонности предъ испытующимъ умомъ въ болѣе или менѣе доступной, ясной формѣ; что вся наука живетъ не гдѣ-нибудь на сторонѣ, а именно внутри, въ самыхъ явленіяхъ природы и жизни, и что, наконецъ, пора уже бросить важно драпироваться въ ученую мантию и обратить ее въ мѣшокъ для сбора фактовъ. Теперь наука извлекается не изъ головы, а изъ нѣдръ самой жизни и при-

роды. Такъ ли дѣлается въ нашей грамматикѣ? Слѣдуетъ ли изученіе русскаго языка этому плодотворному методу, методу индуктивному? пока нигдѣ этого не видно. До сихъ поръ дѣло дѣлалось такимъ образомъ: бралась готовая теорія и прилагалась прямо къ русскому языку. Основою для всей грамматической школы служили грамматики латинскія и нѣмецкія. Иногда же къ русскому языку примѣнялись выводы общей философской грамматики. Но въ томъ и другомъ случаѣ, очевидно, методъ былъ совершенно противоположный тому, которому слѣдуютъ въ настоящее время другія науки. Понятно, что примѣнимость теоріи къ языку могла быть лишь формальная, которою довольствовались до извѣстнаго времени, а потомъ, въ виду господства индуктивнаго метода, ложь формальной примѣнимости теоріи къ языку явилась предъ современными живыми интересами науки со всею очевидностью.

Извѣстно, что наука интересна тогда, когда въ ней видна жизнь, когда задача и стремленія ея ясны для каждаго, когда польза ея очевидна. Было время, когда всѣ безусловно вѣрили, что грамматика учитъ правильно говорить и писать, когда, слѣдовательно, практическая польза ея, какъ науки, была ясна для каждаго. Тогда никто не сомнѣвался въ необходимости ея изученія, и всѣ ея правила и исключенія заучивались съ безпримѣрнымъ терпѣніемъ. Но это время прошло. Опытъ доказалъ, что грамматика не научаетъ говорить и писать правильно, что и то и другое гораздо легче пріобрѣтается навыкомъ, практикою. Къ чему же стало трудиться надъ скучнымъ, безжизненнымъ заучиваніемъ правилъ и исключеній? Явилось разочарованіе въ истинно научномъ значеніи грамматики и началось общее броженіе относительно пользы ея въ преподаваніи. Одни старались отстоять то, съ чѣмъ сжились въ продолженіе многихъ лѣтъ; другіе, напротивъ, мало по малу доходили до полного отрицанія необходимости ея преподаванія. Послѣ сочиненія В. Гумбольдта: *Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts* 1836 г. *). (О различіи строенія языковъ и его вліяніи

*) Я привелъ заглавіе книги В. Гумбольдта по нѣмецки, не смотря на то, что она переведена г. П. Билярскимъ на русскій языкъ, потому что, по моему мнѣнію, оно въ переводѣ передано не точно; а именно такъ: «О различіи организаціи челоуѣческаго языка и т. д.» В. Гумбольдтъ вовсе не смотритъ на отдѣльные языки, какъ на особые организмы языка въ томъ смыслѣ, въ какомъ

на духовное развитіе человѣческаго рода), и книги Беккера: «Organism der Sprache» 1841 г. пошла въ ходъ новая мысль о языкѣ, какъ о живомъ организмѣ. Тогда увидѣли, что существующая теорія не представляетъ въ себѣ ничего живаго. Книга Беккера очаровала всѣхъ ясностью и систематическою послѣдовательностью логической постройки. Не многіе видѣли въ ней ту отвлеченность пониманія языка, отъ которой далеко былъ В. Гумбольдтъ. Успѣхъ книги Беккера былъ значительнѣе успѣха сочиненія Гумбольдта, особенно у насъ въ Россіи. Отвлеченное построеніе теоріи языка мы приняли за лучшую исходную точку для изученія и своего родного языка, тоже въ смыслѣ живаго организма, и отвлеченную теорію ученаго нѣмца стали прилагать къ языку русскому. Явилась замѣчательная брошюра г. Басистова: «Система Синтаксиса», написанная подъ непосредственнымъ вліяніемъ книги Беккера. Брошюра была встрѣчена многими похвальными отзывами. Дѣйствительно, никто лучше г. Басистова не представилъ другаго примѣненія теоріи нѣмецкаго ученаго къ языку русскому. Она до сихъ поръ не потеряла значенія для преподаванія такого синтаксиса русскаго языка, который долженъ быть основанъ на общихъ логическихъ началахъ языка. Но дѣло въ томъ, что ни нѣмецкій ученый, ни его русскій послѣдователь вовсе не представили языка въ томъ смыслѣ, въ какомъ желали. Читая книгу Беккера и систему синтаксиса г. Басистова, языкъ представляется скорѣе въ образѣ скелета, изсушеннаго логическимъ отвлеченіемъ и отчищеннаго систематическимъ изложеніемъ, чѣмъ въ образѣ живаго организма, въ которомъ жизнь обнаруживается безпрерывнымъ движеніемъ и игрою красокъ. Оттого взглядъ на языкъ, какъ на живой организмъ, остался до сихъ поръ въ русской грамматикѣ, или, вообще, въ примѣненіи его къ изученію русскаго языка, не болѣе, какъ звучною фразою. Обыкновенно съ понятіемъ о языкѣ, какъ о живомъ организмѣ, соединяется представленіе о чемъ-то цѣльномъ, подобномъ животному. Такое представленіе, какъ ни пластично само въ себѣ, не имѣетъ однако истиннаго смысла. Оно-то именно и ведетъ къ построенію изъ данныхъ теорій цѣленькихъ системъ въ родѣ брошюры

принимать организмъ языка другой нѣм. ученый Беккеръ. Выраженіе *der menschliche Sprachbau* не равняется выраженію: *der menschliche Sprachorganism*. Иначе В. Гумбольдтъ назвалъ бы свое сочиненіе такимъ образомъ: *Ueber die Verschiedenheit der menschlichen Sprachorganismen* и с. и.

г. Басистова. Подчинять живое развитие языка цѣльной, замкнутой системѣ, основанной на логическихъ отвлеченныхъ началахъ, не значитъ признавать живую сторону языка, какъ организма, за содержаніе, достойное науки. Со взглядомъ на языкъ, какъ на живой организмъ, слѣдуетъ обходиться въ примѣненіи его къ дѣлу осторожнѣе. Языкъ не есть животное. Слѣдовательно, подѣ организмомъ языка нельзя разумѣть того же, что разумѣютъ подѣ организмомъ животного. Послѣдній, дѣйствительно, представляетъ цѣлое, ограниченное тѣло, части котораго служатъ для всѣхъ тѣхъ отправленій, которыми опредѣляется полная жизнь организма. Но языкъ не есть опредѣленное цѣлое, замкнутое въ своей индивидуальности. Онъ въ самыхъ малѣйшихъ своихъ частяхъ является открытымъ со всѣхъ сторонъ къ воспріятію и творчеству въ одно и тоже время. Все то, что обязано своимъ бытіемъ животному, становится бытіемъ внѣшнимъ въ отношеніи къ послѣднему; напротивъ, все то, что создано и воспріято языкомъ, становится достояніемъ его же внутренняго содержанія, входитъ въ его же объемъ. Языкъ въ мірѣ мысли почти то же, что воздухъ въ мірѣ вещества. Какъ воздухъ проникаетъ и обнимаетъ собою предметы вещественной природы, такъ языкъ проникаетъ и обнимаетъ собою умственный міръ человѣка. Поэтому языку приличнѣе свойство *единства*, нежели свойство *цѣлости*. И съ этой точки зрѣнія онъ скорѣе представляется, какъ *единый органъ*, нежели, какъ *цѣлый организмъ*. Припомнимъ, что В. Гумбольдтъ опредѣляетъ языкъ не образовательнымъ организмомъ мысли, а образовательнымъ органомъ мысли. Die Sprache ist der bildende Organ des Gedankens, говоритъ онъ, (языкъ есть образующій органъ мысли), т. е., что мысль человѣческая находитъ въ языкѣ средство получить соотвѣтственный (хотя и не торжественный) опредѣленный образъ. И такъ языкъ, понимаемый въ смыслѣ средства, дарованнаго человѣку Богомъ для выраженія мысли, не представляетъ собою цѣльнаго организма, а напротивъ, скорѣе долженъ быть понимаемъ, какъ единый органъ. Но разсматриваемый съ звуковой стороны, т. е. какъ рѣчь, слово, звукъ, онъ имѣетъ въ этихъ отдѣльныхъ частяхъ множество другихъ органовъ, служащихъ къ отправленіямъ его жизни, и потому съ этой точки зрѣнія можетъ быть названъ организмомъ. А такъ какъ жизнь языка, разсматриваемая съ звуковой его стороны, есть ничто иное, какъ непрерывное раз-

витіе, совершающееся въ отдѣльныхъ его частяхъ посредствомъ живой рѣчи, то языкъ, понимаемый въ смыслѣ живаго организма, хотя представляется чѣмъ-то сложнымъ изъ частей и подчиненнымъ въ своихъ частяхъ закону разнообразія и развитія, однако все же — не цѣлымъ и замкнутымъ, какъ организмъ животнаго.

Посмотримъ теперь, какимъ образомъ этотъ взглядъ можетъ быть примѣненъ къ дѣлу. Извѣстно, что языкъ каждаго чело-вѣка есть выраженіе его личнаго міросозерцанія, а языкъ отдѣльнаго народа есть выраженіе міросозерцанія этого народа. Извѣстно также, что какъ одинъ чело-вѣкъ отличается множе-ствомъ признаковъ отъ другихъ людей, такъ точно и каждый народъ имѣетъ множество признаковъ, отличающихъ его отъ другихъ народовъ. Это разнообразіе дробится до такой безко-нечности, что становится способнымъ ускользнуть отъ наблюде-нія. Дѣйствительно, мы прежде всего замѣчаемъ сходныя при-знаки именно потому, что ихъ находится менѣе въ подобныхъ предметахъ. Они первые бросаются намъ въ глаза своими круп-ными чертами. Между тѣмъ ясно, что не въ сходствѣ заклю-чается жизнь не только народа, чело-вѣка, но и каждаго пред-мета, какъ существа отдѣльнаго, — а въ тѣхъ почти неуло-вимыхъ отличительныхъ признакахъ, которые требуютъ особен-но тщательнаго и строгаго наблюденія надъ собою. Указать на тѣ предѣлы, въ которыхъ можетъ развиваться законъ разно-образія въ данномъ предметѣ, значитъ опредѣлить то, въ чемъ заключается жизненная сторона его, значитъ провести тѣ ти-пическія черты, которыя съ одной стороны отличать его отъ другихъ подобныхъ предметовъ; съ другой, — дадутъ возможность понять все то разнообразіе признаковъ, которое только можетъ быть свойственно данному предмету. Въ этомъ случаѣ самые полезные примѣры подають намъ лучшіе поэты, которые именно такимъ образомъ поступаютъ въ очертаніи характеровъ своихъ личностей. Они не высчитываютъ всѣхъ малѣйшихъ подробно-стей, отличающихъ характеръ одного лица отъ другого, а на-мѣчаютъ только тѣ черты, которыя необходимы для выраженія его индивидуальности; но дѣлають это такъ, что все остальное легко дополняется воображеніемъ читателя, или зрителя. Лицо, художественно изображенное поэтомъ въ его произведеніи, жи-ветъ полною жизнью и можетъ быть всегда отличено отъ ты-сячи другихъ подобныхъ же личностей. Оно влечетъ къ себѣ

каждаго, умѣющаго цѣнить истинное и прекрасное, не потому что оно добродѣтельно, а потому что естественно, вѣрно правдѣ жизни, слѣдовательно, живо. Почему бы точно такимъ же образомъ не поступать и каждой частной грамматикѣ въ дѣлѣ изученія языка какого либо народа? Мы думаемъ, что дѣло частной грамматики именно состоитъ въ томъ, чтобы указать на тѣ типическія черты и стороны языка, которыми онъ съ одной стороны отличается отъ другихъ языковъ, съ другой открываетъ обширное поле своихъ до безконечности разнообразныхъ признаковъ. Если мы будемъ изучать природный нашъ русскій языкъ, отыскивая въ немъ то, въ чемъ онъ сходствуетъ съ другими языками, то, по нашему мнѣнію, мы никогда не будемъ въ состояніи понять его собственной индивидуальности, никогда онъ не предстанетъ для насъ въ своемъ живомъ образѣ — и въ русской грамматикѣ никогда не будетъ пахнуть русскимъ духомъ. Указывать же въ ней на однѣ только формы и звуки, отличающія русскій языкъ отъ другихъ, все равно, что отличать одного человѣка отъ другаго только по платью да по породѣ. Но чтобы отыскивать типическія черты русскаго языка, нужно имѣть дѣло непосредственно съ самими фактами, и отказаться отъ всякой предвзятой теоріи, а главное, отъ ложнаго ея права предписывать языку правила и громоздить подъ ними исключенія. Само собою разумѣется, что въ такой теоріи, которая думаетъ, что она, а не самый языкъ, научаетъ говорить (даже говорить!) и писать правильно, могутъ быть всякія правила и всякія исключенія. Въ сущности все это — ничто иное, какъ произволъ, внесенный въ науку; ибо въ языкѣ нѣтъ и не можетъ быть исключеній. Вотъ прекрасныя слова покойнаго К. С. Аксакова, котораго общій взглядъ на изученіе русскаго языка мы вполне раздѣляемъ: «на языкъ надобно смотрѣть иначе, надо взглянуть въ него глубже, понять внутренній смыслъ употребленія, внутренній законъ жизни, и тогда всякое дѣйствіе языка получитъ стройность и разумъ, исключенія исчезнутъ сами собою; ихъ въ сущности и нѣтъ; они — порожденія неловкихъ грамматикъ, которыя приходятъ къ языку съ внѣшними правилами, съ наружными мѣрками, я, стараясь подвести подъ нихъ все, что не подходитъ (а при такомъ наружномъ способѣ постиженія, — разумѣется, неподдающихся явленій множество), относить все неподходящее къ исключеніямъ, изъ которыхъ являются новыя исключенія и т. д. Грамматика такая вся наполнена множествомъ внѣш-

нихъ правилъ съ безчисленными исключениями, и все таки не схватываетъ языка даже и наружно, а о духѣ языка, о разумѣ его, безъ котораго нѣтъ истиннаго пониманія, уже и говорить нечего. Такой взглядъ на грамматику вообще ложенъ, но онъ становится вдвое ложнымъ въ отношеніи къ нашему языку, когда правила иностранныхъ грамматикъ, совершенно чуждыя нашему языку, насильственно къ нему прилагаются и искажаютъ его до крайности» (Опытъ русской грамматики. Ч. I, в. 1, стр. 142. Москва 1860).

Однимъ изъ самыхъ важныхъ препятствій въ примѣненіи этого живаго взгляда на языкъ къ изученію послѣдняго служить застарѣвшая привычка брать для частной грамматики начала изъ общей теоріи языка, или изъ общей философской грамматики, въ которую входитъ сравнительно-историческій методъ. (Отъ этой привычки страдаетъ живой интересъ изученія языка не только въ нашей русской грамматикѣ, но, сколько мнѣ извѣстно, и въ грамматикахъ другихъ языковъ. Оттого каждая изъ нихъ изобилуетъ кучами исключеній. Причина заключается, кажется, въ томъ, что съ одной стороны все *общее*, основанное на сходствѣ, усваивается легче; съ другой стороны въ томъ, что грамматики обыкновенно пишутся прежде, чѣмъ изучается языкъ въ его полномъ живомъ употребленіи. Берется книжный языкъ, по немъ составляются правила, сообразно съ общими понятіями о языкѣ; эти правила приводятся въ научную систему, и такимъ образомъ изготовляется учебникъ, или грамматика, въ которой теорія языка постоянно находится въ борьбѣ съ живою рѣчью. Общее, отвлеченное, родовое пониманіе никакъ не мирится съ частнымъ, единичнымъ живымъ явленіемъ въ языкѣ. Остуда съ одной стороны улетучивается истинность, дѣйствительность, полная конкретность значенія объясняемаго явленія въ изучаемомъ языкѣ, съ другой — является безпрестанная сбивчивость въ самой теоріи. Объяснимъ то и другое примѣрами. Глаголъ, говорить русская грамматика, выражаетъ *дѣйствіе*: таково значеніе его во всѣхъ языкахъ. Но это значеніе есть общее, родовое понятіе о глаголѣ, которое получается логическимъ отвлеченіемъ однихъ сходныхъ признаковъ и отбрасываніемъ всѣхъ тѣхъ, которыми глаголъ одного языка отличается отъ глагола въ другомъ языкѣ — и русская грамматика, довольствуясь такимъ опредѣленіемъ, нисколько не объясняетъ того живаго, конкретнаго значенія, которое глаголъ имѣетъ

въ русскомъ языкѣ. Оттого это общее опредѣленіе остается мертвымъ, безжизненнымъ по отношенію къ языку русскому въ русской грамматикѣ. Стало быть, чтобы получить понятіе о русскомъ глаголѣ, какъ объ особомъ разрядѣ словъ въ русскомъ языкѣ, слѣдовало бы внести въ содержаніе общаго опредѣленія тѣ отличительныя признаки, какіе глаголѣ имѣетъ въ русскомъ языкѣ. Тогда общее отвлеченное понятіе о глаголѣ станетъ единичнымъ, конкретнымъ, которое познакомитъ съ русскимъ глаголомъ въ томъ живомъ значеніи, въ которомъ онъ употребляется у русскаго народа. Находясь подъ вліяніемъ общаго, отвлеченнаго взгляда на русскій глаголѣ, нѣтъ возможности объяснить въ немъ: — ни развитія свойственныхъ ему формъ въ языкѣ, ни ихъ значенія безъ того, чтобы не подчинить того и другаго новымъ общимъ выводамъ, непосредственно истекающимъ не изъ его сущности, а изъ того же отвлеченнаго понятія о глаголѣ. Такъ, принявъ, что глаголѣ есть дѣйствіе, можно легко приписать русскому глаголу такія формы, которыя могутъ быть присущи ему только по идеѣ, какъ дѣйствію, но которыхъ у него нѣтъ въ дѣйствительности, какъ у дѣйствія русскаго глагола. Извѣстно, что дѣйствіе въ отвлеченномъ смыслѣ, ничто иное, какъ мыслимое движеніе во времени; стало быть, всякому дѣйствію, какъ дѣйствію, должно быть свойственно время. Замѣтивъ свойство времени въ понятіи о дѣйствіи и способность многихъ языковъ выражать время дѣйствія особыми формами, какъ не приписать и русскому глаголу той же способности выражать время особыми формами? Особенно, если къ этому еще примѣшивается чувство патріотизма какого-то страннаго рода. Чтобы не говорить бездоказательно, мы укажемъ на сочиненіе г. Шафранова: «о видахъ русскихъ глаголовъ» 1852 г. Авторъ знатокъ греческаго языка и, разумѣется, любитъ свое отечество. Все это прекрасно и достойно въ немъ уваженія; но дѣло въ томъ, что какъ его ученость, такъ и патріотизмъ послужили не къ добру въ изслѣдованіи о видахъ русскихъ глаголовъ. За теоріей греческаго языка онъ вовсе не видитъ и не хочетъ видѣть такой особенности русскаго глагола, которую могли замѣтить даже нѣмцы Фатеръ и Таппе, и доказываетъ, что русскій глаголѣ имѣетъ тѣже свойства, какъ и глаголѣ греческаго языка; а чувство патріотизма заставило его доказывать, что русскій глаголѣ имѣетъ столько же формъ для временъ, сколько и языкъ греческій, извѣстный по своему бо-

гательству въ этомъ отношеніи. Мы не менѣе любимъ свое отечество, но рѣшительно не можемъ ни въ чемъ согласиться съ авторомъ относительно его пониманія русскаго глагола. Для насъ его сочиненіе важно, какъ предостереженіе, — не писать изслѣдованій по русскому языку на основаніи параллели и сходства съ какимъ либо другимъ языкомъ. Если такую опасность представляетъ сравнительное изученіе языка съ однимъ или двумя (греч. и нѣмецкимъ, какъ г. Шафранова) языками, то чего можно ожидать отъ такого изученія, которое основано на сравненіи съ общею теоріею языка? Не всякій языкъ по своимъ формамъ подходитъ подъ общіе выводы теоріи. Если общая теорія имѣетъ право толковать о временахъ глагола, то отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы каждый языкъ, какъ бы онъ богатъ ни былъ по формамъ, непременно имѣетъ формы для выраженія этихъ временъ глагола. Если она говоритъ о значеніи падежей, то отсюда никакъ не слѣдуетъ, что во всякомъ языкѣ есть падежныя формы для выраженія извѣстныхъ отношеній. Очевидно, что каждый языкъ развивается относительно своихъ формъ сообразно не съ общимъ понятіемъ о какой нибудь части рѣчи въ языкѣ вообще, а съ тѣмъ единичнымъ понятіемъ, которое она получаетъ въ живомъ употребленіи своего языка. Такъ изъ общаго понятія о глаголѣ, какъ о дѣйстви, нельзя объяснить напр. въ русскомъ языкѣ — *степеней* глагола и того круга формъ, которымъ онъ ограничивается въ живомъ употребленіи точно также нельзя объяснить и отсутствія въ немъ иныхъ формъ, какъ напр. формъ для временъ и наклоненій. Но кромѣ того частная грамматика, заимствующая свои начала изъ общей, представляетъ безпрестанную сбивчивость въ собственной теоріи, какъ наукѣ. Особенно эта сбивчивость проявляется тамъ, гдѣ приходится дѣлить какое нибудь родовое понятіе на его виды. Въ этомъ случаѣ основаніе дѣленія въ русской грамматикѣ постоянно двоится между формою и живымъ значеніемъ. Напримѣръ: нашли родовое понятіе въ глаголѣ — залогъ (*genus*). Спрашивается: какіе его виды? Сейчасъ грамматика русская отвѣчаетъ: дѣйствительный, страдательный, средній, возвратный, взаимный, общій. Прекрасно! Почему залогъ именно такъ дѣлится на свои виды? Выходитъ, — и по *формѣ* и по *значенію*. Это особенно видно изъ опредѣленія *общаго* залога. Грамматика опредѣляетъ его такимъ образомъ: общій залогъ имѣетъ значеніе средняго, а форму — возвратнаго. Еще примѣръ. Есть, гово-